

А.Б. ПАНЧЕНКО

*кандидат исторических наук,
Сургутский государственный педагогический университет*

«СИБИРЬ» ИЛИ «АЗИАТСКАЯ РОССИЯ» – ОБЛАСТНИЧЕСТВО МЕЖДУ ИМПЕРСКИМ И НАЦИОНАЛЬНЫМ ДИСКУРСАМИ

В статье анализируются взгляды сибирских областников на вопрос о месте Сибири в структуре Российской империи. В эпоху дискуссий о дальнейшем устройстве России – как империи или как национального государства – областники до конца не могли определиться, к какой из парадигм примкнуть. Если в период зарождения областничества им был ближе колониальный дискурс, то в дальнейшем они начали склоняться к национальному. В зависимости от поднимаемых вопросов, областники воспринимали Сибирь то как колонию, в которой может сформироваться новая нация, то как область России, население которой хоть и отличается от великороссов, но входит в «большую русскую нацию».

Ключевые слова: областничество, национализм, Сибирь, Азиатская Россия, колониализм.

A.B. PANCHENKO

*PhD (in History),
Surgut state pedagogical university*

«SIBERIA» OR «ASIAN RUSSIA» - REGIONALISM BETWEEN IMPERIAL AND NATIONAL DISCOURSES

In the article the Siberian regionalists' views about Siberia place in the Russian empire structure are analyzed. During the epoch of discussions about the further Russian state system – as an empire or as a national state - regionalists could not define up to the end what paradigm to side with. If during the regionalism's origin the colonial discourse was preferably for them, further they have started to tend to the nationalism. Depending on risen issues, regionalists perceived Siberia as a colony in which new nation could be generated, or as Russian region which inhabitants differed from Great Russian, but formed “the big Russian nation”.

Keywords: regionalism, nationalism, Siberia, Asian Russia, colonialism.

Эпоха Великих реформ в России ознаменовалась многочисленными изменениями в различных сферах. Государство модернизировалось, стремясь достичь паритета с ведущими европейскими державами. Одним из важнейших вопросов, обострившихся в этот период, стало осмысление дальнейшего формата державы – как национального государства или же как империи. Эта проблема находилась в центре внимания не только правительства, но и широких слоев образованного общества, причем консенсуса не было ни в одной из групп акторов. Дополнительную сложность идущим спорам придавало наличие еще двух парадигм – унитаристской и федералистской (существовавших внутри как имперского, так и национального дискурсов).

Имперский формат России предполагал выделение в ней «русского ядра»/метрополии и национальных окраин (в первую очередь Царства Польского и Великого княжества Финляндского), для которых приемлем свой способ управления, а сохранение культурной и языковой уникальности было совершенно нормальным явлением. С точки зрения сторонников второго направления Россия мыслилась как национальное государство – русское или же российское, а все регионы должны были быть унифицированными территориальными единицами. Русификация же была неизбежна, поскольку только русские/россияне могут быть полными гражданами государства.

Сквозной линией в этих дискуссиях стоял вопрос о взаимоотношениях центра и окраин, особенно это касалось двух, находящихся на противоположных концах империи – Западного края (в первую очередь Украины/Малороссии) и Сибири. Унитаристскую парадигму в первую очередь озвучивали представители власти, в рамках федералистской же сформировались различные областнические объединения.

У истоков областничества в Российской империи стояли Н.И. Костомаров и А.П. Щапов, строившие свои теории на основе материалов Украины и Сибири соответственно. Хотя авторы монографии «Сибирь в составе Российской империи» и говорят, что «Костомаров и Щапов в 50–60-е гг. XIX в. сформулировали два противоположных подхода к проблеме федеративного устройства России по национальному и территориальному (региональному) принципам» [11, с. 303], но принципиальных различий тут не было – оба они исходили из существования различных «областных типов» русской народности. В дальнейшем наибольшее развитие идеи этих ученых получили в творчестве представителей сибирского областничества.

В связи с этим определенный интерес представляет соперничество двух парадигм – унитаристской и федералистской – вокруг концепта «Сибирь», нашедших отражение в многочисленных публикациях, рассчитанных на широкую читающую публику.

Среди администраторов и руководителей Российской империи понятие «Сибирь» вплоть до конца XIX в. употреблялось достаточно активно в различных сочетаниях – «Сибирское царство», «Сибирская губерния», «Сибирский комитет» и т.д. Даже разделение Сибири сначала на два генерал-губернаторства (Западно- и Восточно-Сибирское), а потом и на отдельные губернии и области, не привело к исчезновению обобщающего понятия. Однако в этот концепт вкладывалось исключительно административно-территориальное содержание. Сибирь понималась как колония, но колония, постепенно вырастающая в метрополию посредством «плуга русского крестьянина». По словам А.В. Ремнева: «Оставляя, по сути дела открытым вопрос – колония Сибирь или провинция, самодержавие так и не смогло выработать четко очерченного правительственного курса по отношению к Сибири» [7, с. 100]. Эти метания проявились и в постоянных территориально-административных реформах, осуществляемых центральным правительством на протяжении всего XIX в.

Вопрос о месте Сибири (и, соответственно, ее населении) в структуре Российской империи был принципиальным для стратегии нациостроительства. В том случае, если она является провинцией, то ее население может без труда интегрироваться в состав «большой» русской нации (наравне с великороссами, малороссами и белорусами), даже если оно представляет собой некий областной тип. Если же Сибирь – колония, то этот статус может послужить стимулом для превращения этнических русских, проживающих на ее территории, в основу для будущей сибирской нации (как произошло с английскими поселенцами в Северной Америке). В зависимости от ответа на этот вопрос должна была определиться и дальнейшая стратегия имперской власти в деле нациостроительства – идти путем русификации или предоставления определенной политической автономии по аналогии с Финляндией и Царством Польским.

В рамках областнического дискурса тезис о Сибири как колонии считается краеугольным. Но помимо административного и географического содержания термин «Сибирь» стал приобретать историко-культурное и этнографическое. Поэтому Сибирь – это в первую очередь регион, населенный сибиряками – областным типом русской народности (так же как на западной окраине империи Украина – это была область, населенная малороссами-украинцами, еще одним типом русской народности). Соот-

ветственно важны не территориальные границы, а преимущественно культурно-этнографические.

Однако к такому пониманию места Сибири областники пришли далеко не сразу. Например, в одном из ранних писем Г.Н. Потанина Н.С. Щукину говорилось: «в России не существует умственной жизни в провинции, что провинция – туловище, отправляющее один животнорастительные процессы, что Сибирь – одна из резко отмежеванных провинций» [3, с. 58]. Здесь Сибирь – это просто одна из провинций государства, однако уже указывается на существование определенного ее отличия от всех прочих регионов. Но дальше в том же письме говорится о стремлении к максимальной автономии этой провинции: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя же» [3, с. 59]. Это уже фактически приравнивало Сибирь к субъекту конфедерации или же – к колонии, претендующей на полную независимость от метрополии.

Пожалуй, наиболее ярко противопоставление Сибири-колонии и России-метрополии, а также сибиряка и русского было представлено в стихотворении А.П. Щапова, записанного Г.Н. Потаниным и переданном другим членам областнического кружка. Помимо прочего, в нем были и такие слова: «Тебе (Сибири – А.П.) скажу, за что страдаю в стране проклятых москалей» [3, с. 61]. Сибирь в стихотворении приравнивалась к Польше и Украине, как регионам, борющимся за национальную независимость, а Россия называлась Великороссией, что сужало ее национальные границы.

Областнический дискурс, таким образом, мог существовать только в рамках имперской парадигмы восприятия России. Областниками Сибирь воспринималась как национальная территория, обладающая правом на самобытность так же, как и Польша, Украина или Финляндия. Русификация, как проявление национальной парадигмы, рассматривалась как безусловное зло, поскольку приводила к утрате тех отличий, которые позволяли выделять Сибирь в отдельную область. При этом процесс русификации все же относился к инородческому населению Сибири, мало затрагивая сибиряков. Здесь заметна определенная недосказанность – кто же является носителями настоящей сибирской национальности – представители «областного типа русской народности» или же коренное население региона. И если сибиряки – это не-русские, то кем являются инородцы, особенно подвергшиеся русификации?

«Дело о сибирском сепаратизме» (1865) могло бы продемонстрировать существование угрозы для национально-унитарного проекта устрой-

ства Российской империи, но этого не произошло, даже начальник следственной комиссии полковник В.П. Рыкачев по этому поводу говорил следующее: «Какой же должен быть заговор, как сильна должна быть личность, стоящая во главе его и какими он должен обладать средствами, чтобы возбудить эти 4 миллиона к сепаратизму?» [12, с. 33]. Именно поэтому позиция властей по поводу статуса Сибири не претерпела существенных изменений, сохранив ту же двойственность. Зато в дальнейшем несколько видоизменилась позиция самих областников, правда не став от этого более четко сформулированной.

Так, некоторые из них (в том числе и лидеры областничества – Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев) приняли участие в многотомном издании «Живописная Россия» (1881–1901), сам принцип организации которого предполагал выделение описываемых регионов по территориальному принципу. Сибири были посвящены два тома (11 и 12, второй в двух частях) и если первый носил название «Западная Сибирь», то второй – «Восточные окраины России». Согласившись на участие в данном проекте, областники как бы косвенно признавали национальный формат устройства России, хотя и не отказываясь полностью от имперского (например, одна из глав, написанных Г.Н. Потаниным носила название «Завоевание и колонизация Сибири»).

Практически в это же время вышла работа Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония», что подчеркивало приверженность областников имперскому проекту (хотя это не мешало им критиковать центральное правительство за пренебрежение нуждами Сибири). Но при этом в работе Н.М. Ядринцева вообще ставился знак равенства между понятиями «Сибирь» и «Азиатская Россия» [15, с. 2].

Помимо этого Николай Михайлович предпринял попытку разрешить дилемму, существовавшую у областников относительно населения Сибири. Он связал формирование сибиряков с процессом смешения русского и инородческого населения: «Врезавшись в среду инородческого населения, русские преимущественно обинородчивались по окраинам, и от окраин, в большей или меньшей степени, влияние это распространилось на всю массу населения, так что инородческая кровь окрашивала русскую национальность даже там, где она не была в непосредственном соприкосновении с инородцами» [15, с. 50–51]. Это делало сибиряков наследниками двух этнокультурных общностей, что позволяло им говорить от лица всего населения Сибири, отстаивать перед центральным правительством права всех национальностей. Но при этом до конца не было ясно являются ли сибиряки новой нацией, которая претендует на определен-

ную независимость в рамках имперской парадигмы, или просто областным типом большой русской нации, который постепенно может слиться с остальными типами в ходе политики русификации. Дополнительную сложность этому вопросу придавал тот факт, что, по словам Н.М. Ядринцева, именно сибиряки считают себя истинно-русскими, сомневаясь в «русскости» выходцев из Европейской России [15, с. 61].

Следует отметить, что в индивидуальных работах областники часто были гораздо радикальнее в своих высказываниях. Например, П.М. Головачев в сочинении «Сибирь. Природа. Люди. Жизнь» указывал, что «Сибирью называется вся северная часть Азии почти на восемь тысяч верст к востоку от Уральских гор до Тихого, или Великого, океана и тысячи на четыре верст от Северного Ледовитого океана к югу до границы Китайской империи <...> На западе Сибирь отделяется от России длинным Уральским хребтом» [2, с. 5]. Здесь абсолютно четко видно противопоставление Сибири России не как части целому, а как одного независимого региона другому. Но это относилось в первую очередь к Сибири как географическому региону, поскольку в главе, посвященной населению региона, уже упоминались переселенцы из Европейской России [2, с. 101–102]. Из этого логично вытекало уже восприятие Сибири как нескольких областей империи, расположенных на территории Азии. Но в то же время автор использовал для обозначения «коренного русского населения» края термин «сибиряки», указывая на существование у них серьезных отличий от великороссов [2, с. 192].

В статьях Г.Н. Потанина, публикуемых им в периодических изданиях, как и прежде упор делался на колониальный статус Сибири [6]. Но в том случае, если он принимал участие в коллективных работах, риторика несколько менялась. Например, для сборника «Сибирь. Ее современное состояние и нужды» им были написаны статьи «Города Сибири» и «Нужды Сибири»¹. В этих разделах Григорием Николаевичем говорится о Сибири как придатке Европейской России, а не ее колонии, а о населении говорится как о русских людях, обитающих на этом придатке [5, с. 261–262]. Понятие же «колонизация», которое, например, использовалось Г.Н. Потаниным в упомянутом очерке из «Живописной России», понима-

¹ Примечательно, что раздел о населении региона был написан Д.А. Клеменцем – бывшим народником, который, несмотря на длительное проживание в Сибири, был приверженцем национального дискурса, а не Г.Н. Потаниным, который был признанным специалистом в этой области.

лось просто как процесс заселения и освоения русскими территории, находящейся за Уралом, итогом чего не являлось превращение Сибири в колонию. Вообще, в этом тексте Г.Н. Потанин достаточно неожиданно выступил как абсолютный приверженец национального дискурса, провозгласив, что «приведение Сибири в одно целое с европейскою Россиею установлением единства в системе управления обеими этими русскими территориями – это первое, что необходимо для того, чтобы сделать Сибирь не только окончательно русскою страной, но и органическою частью государственного нашего организма – в сознании как европейско-русского, так и сибирского населения» [4, с. 48].

Наиболее последовательно областники отстаивали идею колониального положения Сибири в рамках обсуждения инородческого вопроса. В сочинениях на эту тему понятие «Азиатская Россия» полностью отсутствовало [8; 14]. Говоря о проблемах и нуждах инородцев, областники уподобляли их населению колоний европейских держав. При этом они допускали, что по мере развития у этих народов образованности, будет развиваться и национальное самосознание (что необходимо всячески поддерживать), итогом чего должно стать предоставление определенной автономии для территорий их проживания [8, с. 12]. Правда открытым оставался вопрос, должна ли эта автономия быть предоставлена центральным правительством, или же это дело властей независимой Сибири. Также неясны были судьба и статус областей, где преобладающим населением являются потомки русских переселенцев.

И если областники на рубеже XIX–XX вв. еще колебались между имперским и национальным дискурсом, то в целом в Российской империи все больше начинал преобладать второй из них. Он отчетливо проявлялся в публикациях, написанных без привлечения областников (в том числе и тех, которые выходили в самой Сибири¹). Практически одновременно начинает выходить издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», построенная по культурному принципу (в рамках которого выделялись Западная (том вышел в 1907 г.), Восточная и Средняя Сибирь) и публикуется «Атлас Азиатской России» (1914), в котором явно заметно стремление описывать Россию как национальное государство, только по географическому принципу разделяющееся на Европейскую и Азиатскую части. В 1905 г. вышло первое издание книги «Азиатская Рос-

¹ Например, издаваемый в Томске «Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России» (1895, 1897 гг.) говорил о Сибири именно как части Азиатской России.

сия. Иллюстрированный географический сборник», где само понятие «Сибирь» почти не использовалось, а из всех статей этого сборника только две были написаны участниками областного движения (П.М. Головачевым и А.В. Потаниной¹). Можно говорить о процессе «врастания» Сибири в «коренные» русские земли, что фиксировалось в этих изданиях. И важнейшим механизмом освоения Сибири как части России стал Великий Сибирский путь – Транссибирская магистраль. Поэтому неудивительно, что ему посвящались как очерки внутри перечисленных изданий, так и многочисленные иллюстрированные альбомы, в которых природа Сибири выглядела совершенно неотличимо от той, что присуща Европейской России.

В отношении областников к Транссибирской железной дороге также заметна определенная непоследовательность. Безусловно, они были знакомы с железнодорожной политикой, проводимой в Германии и приведшей к национальной унификации. Понимали они и то, что правительством проект Транссиба «с самого начала воспринимался как средство территориальной консолидации и приведения империи к культурной однородности» [13, с. 367]. Таким образом, строительство этой железной дороги приведет не только к серьезным изменениям в экономике², но и к утрате Сибирью своих культурных особенностей. Правда, Г.Н. Потанин достаточно скептически отзывался об унифицирующих возможностях железных дорог: «Что же касается до нивелирующего действия дорог, то, конечно, никакая железная дорога не в состоянии отменить воздействий климата на человека. Климат – самый упорный, самый закоснелый сепаратист, и ничто не помешает ему вопреки шовинистским, обрусительным и т. п. вожделениям образовывать расу, если в нем самом есть особенности» [5, с. 266–267]. В целом областниками предлагалось сначала наладить сообщение между отдельными частями Сибири, укрепить внутрисибирские экономические связи, а только потом задумываться о проекте создания

¹ Это были очерки «В степном крае» и «Верхнеудинские буряты» соответственно.

² Областники считали, что эти изменения могут оказаться катастрофическими для Сибири, усилив ее статус сырьевого придатка для России. Например, Н.М. Ядринцев писал: «...не будет ли, при таких условиях, самая железная дорога орудием для продолжения тех же средств наживы, какая практиковалась до сих пор» [15, с. 258]. Кроме того, многих сибирских авторов беспокоил вопрос стоимости строительства этой железной дороги, поскольку существовали опасения, что оплачивать проект будут сами сибиряки, также речь шла о возможных многомиллионных убытках для государства.

Транссибирской железной дороги. Хотя это нигде и не проговаривалось, но это также могло привести и к формированию общесибирской идентичности, что отвечало представлениям о Сибири как колонии, стремящейся к независимости.

Подобные колебания между имперским и национальным дискурсами присутствовало и в ряде центральных изданий. В известном словаре Брокгауза и Ефрона давалось определение обоим понятиям – «Сибирь» и «Азиатская Россия». Причем если первому понятию была посвящена значительная статья объемом более пятидесяти страниц, то второму авторы словаря уделили только один абзац в дополнительном томе, а сама Азиатская Россия рассматривалась только в географическом смысле: «часть Российской Империи, расположенная на Азиатском материке; включает в себе Сибирь, Среднеазиатские владения и Кавказский край» [14, с. 45]. С одной стороны в рамках этого понятия «Сибирь» низводилась до одной из областей России, просто расположенной в Азии, но с другой – два других региона, входящих в Азиатскую Россию, обладали ярко выраженными национальными особенностями, что позволяло воспринимать и Сибирь как особый край, населенный не русскими, но особым этнографическим типом.

Это подтверждалось и в самой статье о Сибири, первый раздел которой даже назывался «Географическое описание страны» (хотя понятие «страна» часто применялось просто в значении «сторона, край»). Но в той части статьи, где говорилось о населении Сибири, по поводу представлений о существовании «областного типа русской народности» или «сибиряка» утверждалось, что это – «лишь собирательные понятия, а не какой-либо реальный, единый областной тип» [10, с. 763]. Также указывалось, что русское население Сибири распадается на три большие группы: старожилы (проживавшие в регионе несколько поколений), новоселы (прибывшие за последние 15–20 лет) и крестьяне-староселы (прибывшие ранее, чем за 20 лет, но сохранившие память об исконном месте проживания). Что касается остальных народов Сибири, то все они объединялись в понятие «инородцы», что делало их однозначно жителями колонии империи, а не провинции национального государства. Тут отчетливо заметна непоследовательность авторов, которые стремились соединить «национальный» и «имперский» дискурсы.

Областники так до конца и не определились, какой подход для них был более приемлем – имперский или же национальный. Хотя они и редко использовали понятие «Азиатская Россия», предпочитая ему «Сибирь», но в ряде случаев они вкладывали в него не этнокультурный, а ис-

ключительно пространственный смысл. Это лишний раз подчеркивает их вовлеченность в более глобальный дискурс о формате государственного устройства России, который не завершился даже с распадом страны в 1917 г. Показателен в этом отношении курс лекций одного из видных деятелей позднего областничества – И.И. Серебренникова, написанный и опубликованный уже в эмиграции. Несмотря на название – «Сибиреведение» – под Сибирью автор понимал «северно-азиатские владения России» [9, с. 21], хотя и разводил географический и административный смыслы термина. Сибирь называлась одной из областей, входящих в состав Азиатской России, а о жителях ее говорилось, что «Коренное русское население в Сибири составляют великороссы» [9, с. 52]. По сути, эта работа является попыткой перевода областнического дискурса из имперской парадигмы в национальную. Показательно, что это произошло только после того, как потерпела поражение идея «единой и неделимой» России адмирала А.В. Колчака, в правительстве которого И.И. Серебренников занимал пост министра продовольствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азиатская Россия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Дополнительный том I. СПб., 1905. С. 45.
2. Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. 2-е изд. М., 1905.
3. Письма Г.Н. Потанина. Т. 1. Иркутск, 1987.
4. Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Т. XI. СПб., 1884.
5. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и нужды. СПб., 1908.
6. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Сибирская жизнь. 1907. 20, 23 мая, 6 июня, 6 июля. № 28, 30, 41, 65.
7. Ремнев А.В. Административное единство Сибири в исторической ретроспективе // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII–XX века). Бахрушинские чтения 1997 г. Новосибирск, 1999.
8. Серебренников И.И. Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск, 1917.
9. Серебренников И.И. Сибиреведение: конспект лекций по сибиреведению, читанных на Кооп. курсах в Харбине в мае-июне 1920 г. Харбин, 1920.
10. Сибирь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XXIXa. СПб., 1900.
11. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М., 2007.
12. Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Областники. Новосибирск, 1995.
13. Шренк Ф.Б. Imperial inter-rail: Влияние межнационального и межимперского восприятия и соперничества на политику железнодорожного строительства в царской России // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М, 2010.
14. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.
15. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1889.

TRANSLIT

1. Aziatskaya Rossiya // Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona. Dopolnitelnyiy tom I. SPb., 1905.

2. Golovachev P. Sibir. Priroda. Lyudi. Zhizn. 2-e izd. M., 1905.
3. Pisma G.N. Potanina. T. 1. Irkutsk, 1987.
4. Potanin G.N. Zavoevanie i kolonizatsiya Sibiri // Zhivopisnaya Rossiya. T. XI. SPb., 1884.
5. Potanin G.N. Nuzhdy Sibiri // Sibir. Ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy. SPb., 1908.
6. Potanin G.N. Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri // Sibirskaya zhizn. 1907. 20, 23 maya, 6 iyunya, 6 iyulya. № 28, 30, 41, 65.
7. Remnev A.V. Administrativnoe edinstvo Sibiri v istoricheskoy retrospektive // Voprosy sotsialno-politicheskoy istorii Sibiri (XVII–XX veka). Bahrushinskie chteniya 1997 g. Novosibirsk, 1999.
8. Serebrennikov I.I. Inorodcheskiy vopros v Sibiri. Irkutsk, 1917.
9. Serebrennikov I.I. Sibirevedenie: konspekt lektsiy po sibirevedeniyu, chitannykh na Koop. kursah v Harbine v mae-iyune 1920 g. Harbin, 1920.
10. Sibir // Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona. Tom XXIXa. SPb., 1900.
11. Sibir v sostave Rossiyskoy imperii / otv. red. L.M. Dameshek, A.V. Remnev. M., 2007.
12. Shilovskiy M.V. Obschestvenno-politicheskoe dvizhenie v Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka. Oblastniki. Novosibirsk, 1995.
13. Shrenk F.B. Imperial inter-rail: Vliyaniye mezhnatsionalnogo i mezhiperskogo vospriyatiya i sopernichestva na politiku zheleznodorozhnogo stroitelstva v tsarskoy Rossii // Imperium inter pares: Rol transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917). M, 2010.
14. Yadrintsev N.M. Sibirskie inorodtsy, ih byit i sovremennoe polozhenie. SPb., 1891.
15. Yadrintsev N.M. Sibir kak koloniya. SPb., 1889.